

*«Везде принимают с радостью и край прелюбопытный...»: царские визиты на
Южный Кавказ*

Э.О. Сагинадзе, к.и.н.,
доцент кафедры сравнительных политических исследований
СЗИУ РАНХиГС

Большое влияние на отечественных историков оказала работа профессора Колумбийского университета Р. Уортмана. В частности, он обращает внимание исследователей на важность изучения символической и мифологической функции императорской власти и различных (вербальных, визуальных) способов ее репрезентации для более глубокого понимания монархии как политической модели властвования. Одним из форм взаимодействия правителя и подданных, которыми он повелевает, является высочайшее путешествие. Визиты коронованных особ всегда включают в себя символический элемент утверждения власти над территорией страны. В этих поездках, сопровождаемых большим количеством церемониальных деталей важна глубоко архаическая сакральная связь властителя и его подданных.

Первым российским императором, посетившим Южный Кавказ в 1837 году, стал Николай I. К этому моменту в состав империи помимо Картли-Кахетии (1801) вошли Имеретия и Абхазия (1810), а также Эриванское ханство (1828). Его старший сын, будущий Александр II, посещал Кавказский край 3 раза – в статусе цесаревича осенью 1850 года, и уже как монарх – в сентябре 1861 г. и в сентябре 1871. В последнем путешествии царя сопровождал наследник престола, будущий император Александр III. Александр III редко покидал пределы Петербурга. В 1888 году он вместе с членами своей семьи, супругой императрицей Марией Федоровной и сыновьями – наследником-цесаревичем Николаем Александровичем (будущий император Николай II) и великим князем Георгием Александровичем посетил Кавказ по пути на традиционный летний отдых в Ливадию (Крым). Последний русский император также был на Кавказе лишь однажды, во время Первой мировой войны как Верховный Главнокомандующий. В целом, высочайшие визиты на Кавказ соответствовали общим правилам и установленному порядку монарших поездок. Однако стиль странствования по стране у императоров различался.

Выводы:

Программа высочайших визитов на Южный Кавказ соответствовала общеимперскому сценарию и установленному церемониалу. Путешествия создавали и поддерживали образ монарха, заботящегося о благе своих подданных. В ходе путешествий государи стремились внедрять на окраине основные компоненты имперской идеи и таким

образом воспитывать своих подданных. В пути монархи наглядно убеждались в этническом разнообразии Кавказского края, получали новые знания и впечатления об этой далекой окраине. Помимо военно-государственных атрибутов церемониала, необычайно важное значение на Южном Кавказе имели идеи просвещения и цивилизации. Участие в торжественных мероприятиях местных жителей в национальных костюмах также соответствовало выстраиванию общеимперского образа нации и одновременно символизировало необъятность и силу России. Отношения между другими народами и Российской империей выстраивались в ритуальной части церемониала по аналогии с чувством любви русского народа к своему государю.

Путешествия, как возможность прямого общения с императором, стали новацией в праздничной культуре народов Южного Кавказа. Церемониал масштабных мероприятий выразительными и запоминающимися средствами олицетворял сущность интеграции региона в имперское социокультурное пространство. Отлаженный государственный механизм организации торжественных приемов императора синтезировал риторическую и ритуальную символику патернализма и верноподданничества с многоцветием этнических и религиозных традиций, объединяемых имперским порядком. Каждое путешествие превращалось в историческое событие для Закавказья, и очередное посещение края императором последовательно вплеталось в коммеморации важнейших событий в российской истории Кавказа. Посещая край в молодые годы, цесаревичи XIX в. открывали для себя южные окраины своей империи, демонстрировали себя местным подданным, вступали с ними в политико-культурный диалог, и уже императорами получали возможность лично удостовериться в характере произошедших изменений.

Если регулярные монархические праздники обеспечивали поддержание опосредованного верноподданничества народов империи своему монарху, то объезд венценосными персонами подвластных территорий демонстрировал личную сопричастность монарха народам наиболее отдаленных окраин и символизировал государственную мощь России – как в глазах жителей закавказских провинций, так и соседних держав.

Все это должно было способствовать углублению интеграции региона в большое имперское пространство, снижать противоречивые последствия реинтеграции народов Южного Кавказа в рамках российского государственного порядка, и обеспечивать мобилизацию демографических, материальных и др. ресурсов для достижения символического единства культурно-сложного региона при преодолении внутренних проблем и внешних угроз.